

Едыгарова С. В. (Helsinki)

Об одной функции адвербиала -я в удмуртском языке (как пример языковой стандартизации)

This paper deals with the contemporary Udmurt language which demonstrates extensive influence from Russian. It is misleading, however, to think that a strong influence of a prestige language in a minority language would indicate a poorer version of the language in question. Despite Udmurt being a living, rich language, the ways in which people use it depends on their sociolinguistic background. Here, empirical data gathered by means of a translation test is used to demonstrate the way in which the informants use the new adnominal function of the Udmurt adverbial case. It is concluded that this use depends on the linguistic background of the individual speaker. In particular, it reflects speakers' knowledge of different language varieties, such as the standard language, the vernacular and various dialects. It also reflects how speakers have acquired and continue to use these varieties.

1. Введение

Удмуртский язык является современным живым языком, который можно использовать в любой ситуации, на котором можно говорить на любую тему. Однако миноритарное положение языка, а именно существование в окружении языка большинства и ограниченное использование языка в разных языковых регистрах, в том числе преподавания школьной программы на родном языке, на протяжении долгого времени повлияло как на лингвистические особенности языка, так и на его функционирование и отношение говорящих к своему языку, а именно образовалось мнение, что удмуртский язык «беден» и годен только для «разговоров на кухне» или «бабушек в деревне».¹ Основной идеей настоящей статьи является то, что язык сам по себе располагает всеми средствами для развития и выражения любого рода понятий. Однако основным фактором, влияющим на функционирование и практическое использование языка, является социолингвистическое положение говорящего: если у человека нет возможности использовать и обучаться на родном языке, ему будет труднее выражать свои мысли только посредством родного языка; в этой ситуации естественно сочетать с родным другой язык, на котором он обучался и который он использует чаще в повседневной жизни. Таким образом можно утверждать, что основным условием успешного развития языка является баланс между лингвистическими инновациями и дистрибуцией новых форм среди говорящих. В

1. Такого рода идеи регулярно встречаются, например, в комментариях в социальных сетях, например <<http://www.myudm.ru/poll/udmlang?page=2>>.

частности, языковая стандартизация или нормирование литературного языка² может быть эффективным способом развития и сохранения языка. Но стандартизация языка может быть неуспешным, если не развивать каналы распространения и применения этой разновидности. В истории удмуртского языка есть примеры успешной и менее успешной стандартизации языка.

Еще в начале XX удмуртский язык функционировал, в основном, в устной форме и представлял множество разных диалектов. Первая волна стандартизации языка состоялась в начале XX в. (Вахрушев 1975, Луутонен 2000, Васильева, Воронцов 2008). За короткий промежуток времени образовались литературные лингвистические нормы: фонетические, орфографические, грамматические, лексические, пунктуационные, стилевые и жанровые. В результате этого процесса зародилась современная литературная традиция удмуртского языка. Активное внедрение новых языковых норм привело к успешным результатам. Новые нормы внедрялись через школьное образование: до 1958 (Васильева, Воронцов 2008) преподавание осуществлялось на родном языке с учебниками на родном языке. Далее родной язык сохранился в качестве предмета в школьной программе, однако монолингвов оставалось довольно много, и преподавание неофициальных начальных классов оставалось на родном языке. Это повлияло на эффективное развитие литературных норм и появление литературных классиков. Однако разговорным языком всегда оставались и остаются диалекты.

Начиная со времен перестройки до настоящего момента, среди удмуртской интеллигенции и языковедов началась вторая волна интенсивной работы по стандартизации языка, по обогащению и развитию современного стандартного языка. Терминологическая комиссия, сформированная при Правительстве Удмуртской Республики, ведет работу по составлению новой терминологии, обозначению географических объектов и населенных пунктов на удмуртском языке, оформлению официальных надписей учреждений, издает брошюры неологизмов. Кроме того, существуют и действуют проекты по разработке терминологии по разным учебным предметам. В 2013 г. по общественной инициативе был организован конкурс на перевод русских и иностранных терминов на удмуртский (Удмурт дунне 2013).

Однако ситуация по сравнению с первой волной стандартизации сильно изменилась: сейчас практически все удмуртское население владеет русским языком; качество владения русским улучшилось, и двуязычие стало присуще в более раннем возрасте (Salánki 2007; Shirobokova 2011). Выросло количество и качество медиа каналов, которые транслируют на русском языке; растет количество учащихся, которые изучают удмуртский язык в качестве иностранного. В результате этого практическое использование новых стандартных форм (неологизмов и терминов, а также новых морфо-синтаксических форм)

2. Термины «стандартный язык» и «литературный язык» в этой статье используются в качестве синонимов.

остается крайне несущественным. Большинство говорящих не осваивает эти формы и никогда не использует в своей речи. Это превращает стандартный язык в искусственный и отдаляет его от естественного или живого языка. С другой стороны, незнание неологизмов и морфосинтаксических форм способствует обильному заимствованию и переключению на русский язык, поскольку удмуртский стандартный язык оказывается нефункциональным также на лингвистическом уровне.

Целью настоящей статьи является демонстрация одного такого примера языковой стандартизации и его практических результатов. В частности, в работе речь идет о приименной функции адвербиала *-я*, которое было введено в стандартный язык примерно в 30–40-е годы XX века для обозначения объектных отношений или для выражения назначения объекта, например, в словосочетаниях типа *удмурт кылья урок* 'урок удмуртского языка'. Во второй главе работы мы кратко описываем функциональные особенности адвербиального показателя в современном языке, а также кратко в диахроническом аспекте. В третьей главе рассматриваем особенности использования адвербиала в приименной функции среди современных удмуртов. Такое исследование приводится по экспериментальным материалам социолингвистических интервью, проведенных в марте 2011 г.

2. Функции адвербиала

Современные грамматики удмуртского языка в системе падежей выделяют показатель адвербиала *-я* (ГСУЯ 1962: 100–101; ГСУЯ 1970: 20, 160; Kel'makov & Hännikäinen 1999: 188; Bartens 2000: 89, 103; Winkler 2011: 53; Кондратьева 2011: 139–145). Согласно этим грамматикам адвербиаль может присоединяться к существительным и являться обстоятельством, обозначающим в соответствии с кем или чем происходит действие, выражаемое основным глаголом, например (1), (2) и (3). Показатель адвербиала в сочетании с существительным также может выступать в именных словосочетаниях и представлять определяющий компонент конструкции, ср. (4) и (5). Адвербиаль может присоединяться к отглагольным именам или именам действия и также выражает обстоятельное отношения, например (6) и (7). В случае присоединения к отглагольным именам компонент, оформленный адвербиалем, функционально близок к деепричастию, например, как в (7) (см. также Яковлев 1930: 53; Едыгарова 2010: 110–111; Кондратьева 2011). Необходимо также отметить, что некоторые ученые сомневаются в полноценном характере адвербиала в системе падежей удмуртского языка, и предлагает рассматривать его в качестве деривативного суффикса (Csúcs 2005: 182; Кондратьева 2011: 139–140), однако Н. Кондратьева убедительно доказывает, что адвербиаль имеет место в современной системе падежей (2011: 140).

- (1) *Куар тӧл-ъя кошк-и-з.*
лист ветер-ADV уйти-PST-3SG
'Лист улетел [бук. ушел] по ветру.'
- (2) *Тус-сы-я но соос ог-ог-зы-лы кельш-о,*
вид-3PL-ADV и 3PL один-один-3PL-DAT походить-PRS.3PL
манер-зы-я но.
повадка-3PL-ADV и
'Они похожи друг на друга и внешне[бук. по выражениям], и по повадкам.' (ГСУЯ 1962: 101)
- (3) *Но со-из мон-ья ӧвӧл.*
но это-DET 1SG-ADV NEG
'Но это не по мне.' («Удмурт дунне», № 33–34, 12.03.2010)
- (4) *Али мын-э удмурт кылъя урок.*
сейчас идти-PRS.3SG удмуртский язык-ADV урок
'Сейчас идет урок удмуртского языка.'
(Kel'makov & Hännikäinen 1999: 188)
- (5) *Удмурт кун университет-ысь искусство-я но дизайн-ъя институт-лэн музе-яз усътӥськиз Удмурт республикаысь дано ужасьлэн, суредасьлэн, Вячеслав Михайловлэн адӟытонэз, 55 ар тырмонэзлы сӥзьыса.*
удмуртский государство университет-ELA искусство-ADV и дизайн-ADV институт-GEN музей-INE.3SG
'В музее Института искусств и дизайна Удмуртского Государственного университета открылась выставка заслуженного работника Удмуртской Республики, художника Вячеслава Михайлова в честь его 55-летнего юбилея.' («Удмурт дунне», № 182, 5.12.2006: 4)
- (6) *Палаш-лэн сюлмаськ-ем-езь-я туэ шур дур-ысь*
Палаш-GEN беспокоиться-PRTC-3SG-ADV нынче река окло-ELA
выльвыл-эз гыр-и-зы.
целина-ACC пахать-PST-3PL
'Благодаря стараниям Палаша нынче вспахали целину возле реки.' (ГСУЯ 1962: 101)
- (7) *Ужа-мъ-я мылкыд жӱтск-и-з...*
работать-PRTC-ADV настроение подниматься-PST-3SG
'В процессе работы поднималось настроение...'. (ГСУЯ 1962: 101)

Маркер *-ja* в качестве падежного показателя уже встречается в грамматиках XIX века, например, в работе Т. Аминоффа (Aminoff 1896: 26). Ученый отмечает употребление настоящего суффикса с именами существительными, например, *so dyrja* 'в то время', *so vetliz kyrja* 'он(а) ходил(а) по лугам', а также в сочетании с глаголом, например, *solen vylaz kide ponyja so burmoz* 'положив руку на него(неё), он(а) выздоровеет' (Aminoff 1896: 26). Адвербиаль встречается в системе падежей в грамматиках начала XX века, однако перечень функций в разных грамматиках отличается. А. Емельянов (1927: 125–127) в системе удмуртских падежей выделяет *adverbial positiv* (современный адвербиаль) в форме *-a*, а также *adverbial negative* (современный адессив) в форме *-tek*. Он также отмечает, что адвербиаль может употребляться с существительными и прилагательными. Яковлев показатель *-ja* также определяет в качестве показателя деепричастия, например *Со нэнэз верам'я улыны турттэ* 'Он(а) старается жить по указу матери', *Со дышетскем'яз визьмо луэ* 'В процессе учебы он(а) становится умнее.' (Яковлев 1930: 53).

Функциональная дистрибуция адвербиала в современных диалектах отличается от его функционирования в стандартном языке. По мнению В. Кельмакова, в некоторых периферийно-южных диалектах адвербиаль был утрачен совсем и его значение передается с помощью послеложных конструкций, например, *ад'амиос с'аин* (ср. станд. *адямиосья*) 'по мнению людей; как люди' (Кельмаков 2006: 117). Для диалектов также типично употребление адвербиала с именами существительными в роли обстоятельства, как в (1) и (2), а также с отглагольными именами, например, как в (6) и (7). Приименная функция адвербиала, примеры (4) и (5), в диалектах не встречается.

Основным объектом настоящей статьи является изучение особенностей приименной функции адвербиала, как в примерах (4) и (5). В частности, в этой функции адвербиаль выражает «определятельно-объектные отношения» (ГСUY 1972: 20) или свойство предмета, понятия относительно его назначения или специализации (Edygarova 2009: 114–115). Кроме того, настоящая конструкция представляет конкуренцию посессивным словосочетаниям, а именно может выражать отношение принадлежности (Edygarova 2009: 114–115; Кондратьева 2011: 142). В этом случае адвербиаль используется в удмуртском языке там, где во многих других языках используется генитив, например, в русском, финском, английском и т.д. В частности, такие конструкции типичны для официальных названий и обозначают специализацию организаций, учреждений, сфер деятельности, например, (8) и (9), должностей и специальностей людей, как в (10), (11) и (12). Как показывают примеры (5), (8) – (12), настоящая конструкция наиболее популярна в языке средств массовой информации (Едыгарова, в печати).

- (8) *Россиысь трос-аз улос-ъёс-ын туннэ*
 Россия-ELA много-INE.3SG регион-PL-INE сегодня
но ёвёл наци-ос-ын ужа-нь-я ёз-ъёс.
 и NEG национальность-PL-INST работать-PRTC-ADV отделение-PL
 ‘Во многих регионах России до сих пор [и сегодня] отсутствуют структуры по делам национальностей.’ («Удмурт дунне», 27.03.2012)
- (9) *Вотка-ысь крезьгурь-я колледж-ын кылд-й-з*
 Воткинск-ELA музыка-ADV колледж-INE возникнуть-PST-3SG
вьель дисциплина: крез-ен шуд-он.
 новый дисциплина: крезь-INST играть-PRTC
 ‘В музыкальном колледже г. Воткинска появилась новая дисциплины: игра на креси.’ («Моя Удмуртия», 27.11.2013)
- (10) *Кызыы анай кыль-я дышетйсь быгат-э нылпи-лы*
 как мама язык-ADV учитель мочь-PRS.3SG ребенок-DAT
ас калык-тэ ярат-он сям пычатыны.
 свой народ-2SG.ACC любить-PRTC характер внедрить-INF
 ‘Как может учитель родного языка научить [передать чувство любви] ребенка любить свой народ.’ («Моя Удмуртия», 07.10.2010)
- (11) *Тодмо удмурт тодосчи, филология наука-ось-я доктор. Библиез анай кыламы берыктйсь протоиерей Михаил Гаврилович Атаманов УдГУ-ысь филология факультетлэн удмурт люкетаз дашетскиз.*
 филология наука-PL-ADV- доктор
 ‘Известный удмуртский ученый, доктор филологических наук, переводчик Библии на наш родной язык протоиерей Михаил Гаврилович Атаманов учился на удмуртском отделении филологического факультета УдГУ.’ («Зечбур», №37, 06.10.2005: 3)
- (12) *50 арес-сэ пусй-и-з егит-ъёс-ын*
 50 лет-3SG.ACC отметить-PST-3SG молодой-PL-INST
ужа-нь-я министр Владимир Соловьёв.
 работать-PRTC-ADV министр Владимир Соловьёв
 ‘Свое 50-летие отметил министр по делам молодежи Владимир Соловьёв.’ («Удмурт дунне», 11.01.2013)

Функция адвербиала в качестве показателя приименного определяющего компонента словосочетания сформировалась в период интенсивной стандартизации языка, видимо, примерно в 30–40-е годы XX века.³ Как показывает

3. Подробнее о методе перевода и влиянии этого метода на результаты переводов можно найти в (Edygarova, в печати).

материал газеты «Гудыри», издававшейся с 1915 года, аналогичные определительно-объектные отношения в именных словосочетаниях еще в 1925 году было принято выражать способом примыкания имен или номинативным падежом, например, в (13) *муз'ем ужпум комиссариат* 'бук. комиссариат по делам земли', и в (14) *дышетон ужпумысь* 'бук. (по) делам образования'. В некоторых распространенных конструкциях применялся элатив, например, в (14) *дышетон ужпумысь комиссариат* 'бук. комиссариат по делам образования'. Эти примеры в современном языке можно было бы составить с помощью адвербиала, ср. *музъем ужпумъя комиссариат*, *дышетонъя ужпумысь комиссариат* или *дышетон ужпумъя комиссариат*.

Однако адвербиаль широко использовался в послереволюционное время в других функциях, например, в качестве обстоятельства в (15) и (16).

- (13) *РСФСР-ысь муз'ем **ужпум** комиссариат нюлэс ужпумын ужасъёсыз выт тыронлэсь мозмытоно шуыса яліз.*

РСФСР-ЕЛА земля дело комиссариат

'Комиссариат по делам сельского хозяйства РСФСР объявил об освобождении от налогов работников лесохозяйственной отрасли.' («Гудыри», № 171, 15.11.1925: 1)

- (14) *Калык **дышет-он** ужпум-ысь комиссариат вуоно аре быдзым школаосы (ВУЗ) дышетскисъёсыз пыртылыны правило тупатіз.*

Народ учить-PRTC дело-ЕЛА комиссариат

'Комиссариат по делам народного образования приняло правила приема студентов в высшие учебные заведения для будущего года.' («Гудыри», № 171, 15.11.1925: 1)

- (15) *Выт тыр-он вадес'-ёс крестьян-ёс-лэн*
налог платить-PRTC срок-PL крестьянин-PL-GEN

***вазык-ем-зы-я** тупат-эмын.*

обратиться-PRTC-3PL-ADV исправить-PRTC

'Сроки оплаты налогов приведены в соответствие с требованиями крестьян.' («Гудыри», № 171, 15.11.1925: 1)

- (16) *Доход-ъя выт-эз лыдъя-н...*

доход-ADV налог-ACC считать-PRTC

'расчет налогов в соответствии доходам...' («Гудыри», № 171, 15.11.1925: 2)

Основным мотивом для приименного использования адвербиала, скорее всего, послужила его семантическая и функциональная аналогия с русским предлогом *по*. Как показывают примеры (1), (2) и (3), использование адвербиала в первоначальной обстоятельственной функции соответствуют использованию

русского предлога, ср. *по ветру, по выражениям, по повадкам, по мне* и т.д. Кроме того, предлог *по* в русском языке также широко используется в именных конструкциях для определения специальности или назначения объекта, и также конкурируют с посессивными конструкциями, например, *уроки по химии (уроки химии), комитет по образованию (комитет образования)* и т.д. Однако главной причиной появления новой функции адвербиала является процесс стандартизации и развития языка. В настоящем случае была изобретена новая стандартная конструкция, с помощью функционального расширения исконно удмуртского падежного суффикса под влиянием русского языка. Конструкция имела конкретное предназначение, а именно в официальных именных наименованиях обозначала назначение и специализацию объекта или учреждения, должности. Как показывает материал газеты «Гудыри», конструкция с адвербиалом стала альтернативной словосочетаниям с номинативом и элативом. Именные словосочетания, в которых определяющий компонент имеет форму номинатива, могут выражать множество значений, например, принадлежность части целому *скал йыр* ‘коровья голова’, назначение *сур бекче* ‘пивная бочка’, материал *лымы корка* ‘снежный дом’, меру измерения *мешок пызь* ‘мешок муки’ и т.д. (Перевошиков 1957; Вахрушев 1980: 138–140). Элатив в современном языке широко используется в определительной функции (Edygarova 2009; Едыгарова 2010: 202–210) и указывает на принадлежность к месту, например в (9) *Вотка-ысь крезьгур-ъя колледж-ын* ‘в музыкальном колледже г. Воткинска’. В газете «Гудыри» от 1925 г. также встречается приименное использование элатива, примеры (13) и (14). В период стремительного развития языка (в период после революции), когда письменность начала активно развиваться, в том числе начал появляться официальный регистр, например, в первых средствах массовой информации, появилась необходимость стандартизации морфо-синтаксических средств, а также использования исконных маркеров в новой функции для кодирования разного рода новых лингвистических отношений, которые не существовали до сих пор на удмуртском языке. Использование номинатива оказалось недостаточным, были необходимы эксплицитные формы выражения. В результате этого процесса не только адвербиаль получил функциональный сдвиг, но и другие маркеры, например, генитив начал широко использоваться с неодушевленными понятиями.

3. Использование приименного адвербиала в экспериментальном материале

В 2011 г. автор настоящей статьи в рамках исследовательского проекта «Морфосинтаксическое варьирование в пермских языках» (университет Хельсинки) провела в Удмуртской Республике социолингвистическое исследование, целью которого было выявление варьирования маркера посессора в притяжательных конструкциях. Социолингвистическое интервью также включало

тест на перевод русскоязычных предложений на удмуртский язык. Все предложения содержали посессивные конструкции.

Как указывают исследования (Edygarova 2009; Едыгарова 2010; Кондратьева 2011), употребление генитива в удмуртском языке (по сравнению, например, с русским языком) ограничено и определено семантическими и дискурсивными особенностями обладателя. Так генитив типично выражает одушевленные или субъектно-объектные отношения, например, *студент-лэн книга-ез* 'книга студента', *тол-лэн вуэм-ез* 'наступление зимы', отношение активного контролера, например, *институт-лэн музе-ез* 'музей института' и т.д. В остальных случаях в качестве маркера обладателя употребляются другие показатели, например, для неодушевленного обладателя-не контролера типично употреблять элатив, ср. *университет-ысь студент* 'студент университета'; для не активизированного в дискурсе обладателя – форма номинатива, ср. *школа библиотека* 'школьная библиотека'. В случаях, когда определяющей компонент именного словосочетания имеет семантическое значение назначения или специализации, в современном стандартном языке такое отношение принято маркировать адвербиалом, как в примерах (8) – (12). Тест на перевод социолингвистического исследования содержал все эти характеристики посессора. Для настоящей статьи был использован материал только по конструкциям, обозначающим отношение назначения и специализации.

3.1. Материал и методы исследования

Тест на перевод содержал 6 конструкций с приименным употреблением адвербиала в удмуртском стандартном языке, однако 2 предложения являются не совсем удачными, поэтому в настоящей исследовании рассматриваются только 4 предложения (см. ниже). Настоящие предложения предлагалось перевести информантам на удмуртский язык.

1. *Наталья Васильевна – преподаватель удмуртского языка.*
2. *Наталья Васильевна – кандидат филологических наук.*
3. *В марте состоится фестиваль моды.*
4. *Мой брат ходит в музыкальный кружок.*

Общее количество информантов составило 26 человек, в том числе 8 жителей д. Порозово Шарканского района Удмуртской Республики (срединный диалект), а также 5 человек из д. Сырьезь Алнашского района Удмуртской Республики (южный диалект), и 13 жителей г. Ижевска, столицы Республики (представители разных диалектов). В каждой группе профили информантов по мере возможности выбирались по аналогичной схеме, а именно учитывался пол, возраст, образование, род деятельности. Из общего количества опрошенных 12 человек составили мужчины, и соответственно 14 человек – женщины.

Наиболее важными социальными факторами в исследовании варьирования адвербиала для настоящего исследования являются возраст и знание стандартного языка. Так все информанты могут быть распределены по трем возрастным группам, а именно: 1) информанты 16–19 лет (всего 6 чел.), 2) информанты 22–32 лет (всего 12 чел.) и 3) информанты 48–87 лет (всего 8 чел.). Границы возрастной группы соответствуют возрасту самого молодого и взрослого представителя группы.

Относительно знания стандартного языка информанты также могут быть разделены по трем группам: 1) к числу «высокий уровень знания» относятся информанты (всего 7 чел.), которые завершили или завершают факультет удмуртской филологии и/или используют удмуртский язык ежедневно в профессиональной сфере (напр., среди таких информантов удмуртский журналист, преподаватель удмуртского языка, научный исследователь, начинающая поэтесса). 2) К группе «средний уровень знаний» относятся информанты (всего 10 чел.), которые еще учат язык в школе и имеют хорошие показатели по родному языку (9–10 класс) или университете (1–2 курс); а также информанты, которые успешно учили язык в школе или закончили факультет удмуртской филологии, но уже давно активно не используют стандартную форму языка. 3) В группе «низкий уровень знаний» рассматривались информанты (всего 9 чел.), которые не имели хороших показателей в изучении удмуртского языка, не имели дела со стандартным языком в профессии, регулярно не читают и не пишут на языке. Знание стандартного языка информантов определялось, по сути, их образованием и родом деятельности, а также индивидуальной оценкой в ходе беседы с информантами.

Как отмечается в социолингвистической литературе,⁴ выбор той или иной лингвистической формы или языкового стиля говорящим может зависеть от многих внешних факторов, например, является ли речь спонтанной или контролируемой, кто является собеседником говорящего, в каких условиях происходит речь и т.д. В нашем случае перевод русских предложений на удмуртский информантами можно рассматривать как ситуацию интенсивной языковой деятельности,⁵ т.е. информанты сконцентрированы выполняли языковые задачи и старались как можно лучше выразить свои знания родного языка. Однако перед ними не ставились цели перевести предложения на «красивый», «чистый» или диалектный язык, а просто оговаривалось, что предложения необходимо перевести соответственно способностям информанта. Кроме того, предложения они воспринимали на слух, а ответы записывались на диктофон, что усиливало официальность обстановки интервью. Таким образом, материал

4. Здесь имеются в виду подходы в изучении языкового варьирования или языковых стилей и переключения стилей в работах В. Лабова (Labov 1978), А. Белла (Bell 1997), А. Яффе (Jaffe 2009) и т.д.

5. Подробнее о методе перевода и влиянии этого метода на результаты переводов можно найти в (Edygarova, в печати).

настоящего исследования можно рассматривать как результат осознанной языковой деятельности.

3.2. Статистические результаты исследования

3.2.1. Данные по конструкциям

В настоящей секции рассмотрим в отдельности статистические данные по отдельным конструкциям. В (17) даны примеры перевода первого предложения информантами, ср. *преподаватель удмуртского языка*. Необходимо отметить, что настоящее словосочетание выражает в семантическом плане достаточно простое понятие, которое может широко употребляться и в разговорном языке, поэтому у информантов не было сложностей в переводе этой конструкции.

- (17) (а) *Наталья Васильевна удмурт **кыл-я** дышетісь.*
удмурт язык-ADV учитель
- (б) *Наталья Васильевна удмурт **кыл-лы** дышетісь.*
удмурт язык-DAT учитель
- (в) *Наталья Васильевна **удмурт** дышетісь.*
удмуртский учитель
- (г) *Наталья Васильевна дышетісь удмурт **кыл-ын.***
учитель удмуртский язык-INST
- (д) *Наталья Васильевна дышет-э удмурт **кыл-ын.***
учить-PRS.3SG удмуртский язык-INST
- (е) *Наталья Васильевна удмурт **кыл-эз** дышет-э.*
удмуртский язык-ACC учить-PRS.3SG
- ‘Наталья Васильевна – преподаватель удмуртского языка.’

Рассматриваемое словосочетание было переведено информантами 6 разными способами: 1) с помощью адвербиала (всего 7), что соответствует стандартной конструкции, ср. (17а); 2) с помощью датива (1 чел.), ср. (17б); 3) с помощью простого прилагательного (1 чел.), ср. (17в); 4) с помощью инструментала (9 чел.), ср. (17г); 5) с помощью глагольной конструкции (8 чел.), т.е. вместо существительного *преподаватель* был использован глагол *преподает*. В последнем случае в качестве управления глагола был использован инструментал (3 чел.), ср. (17д), и аккузатив (5 чел.), ср. (17е). Итого самым популярным маркером при переводе настоящей конструкции оказался инструментал (общее число 12), см. диаграмму (1).

Диаграмма 1. Соотношение в процентах использованных маркеров при переводе конструкции *преподаватель удмуртского языка*.

Следующая конструкция, *кандидат филологических наук*, представляет сложное понятие, а именно может быть причислена к терминологии профессионализмов, поэтому некоторые информанты затруднились перевести настоящую фразу на удмуртский язык и предпочли использовать русский вариант (15 чел.), ср. (18б.), а один информант отказался переводить фразу и еще один информант составил неграмматную конструкцию (обозначены как 0 в диаграмме). 7 информантов перевели фразу с использованием адвербиала, что соответствует стандартному языку, ср. (18а). Кроме того, два информанта предпочли перевести фразу с помощью генитива, ср. (18в). Результаты указаны в диаграмме 2.

- (18) (а) *Наталья Васильевна* – *филологи наука-ось-я кандидат.*
 филология наука-PL-ADV кандидат
- (б) *Наталья Васильевна* – *кандидат филологических наук.*
- (в) *Наталья Васильевна* – *филологически наука-ос-лэн кандидат-эз.*
 филологический наука-PL-GEN кандидат-3SG

Фраза *фестиваль моды* в семантическом плане является довольно простой, однако в традиционном удмуртском контексте встречается не так широко, как понятие *преподаватель удмуртского языка*. 11 информантов перевели фразу, как в стандартном языке, с помощью адвербиала, ср. (19а). 10 человек вставили русскую генитивную конструкцию (переключение кода), ср. (19б.), а 3 человека – удмуртскую конструкцию с генитивом, ср. (19в); еще один человек перевел фразу с помощью инструментала, ср. (19г). Результаты использования маркеров указаны в диаграмме 3.

Диаграмма 2. Соотношение в процентах использованных маркеров при переводе конструкции *кандидат филологических наук*.

- (19) (а) *Март-э мода-я фестиваль лу-о-з.*
 март-ILL мода-ADV фестиваль быть-FUT-3SG
- (б) *Март толээ-е луоз фестиваль моды.*
 март месяц-ILL быть-FUT-3SG фестиваль мода.GEN(RUS)
- (в) *Южтолээ-е мода-лэн фестивал-ез лу-о-з.*
 март-ILL мода-GEN фестиваль-3SG быть-FUT-3SG
- (г) *Южтолээ-е мода-ен фестиваль ортч-о-з.*
 март-ILL мода-INST фестиваль проходить-FUT-3SG
 ‘В марте состоится фестиваль моды.’

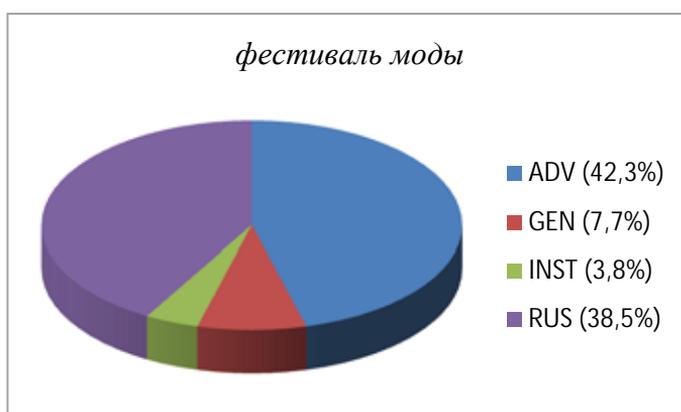

Диаграмма 3. Соотношение в процентах использованных маркеров при переводе конструкции *фестиваль моды*.

Наконец, последняя конструкция *музыкальный кружок* также является широко распространённой в разговорном языке. Однако отличается тем, что представляет адъективную или прилагательную конструкцию. Видимо, именно этот фактор послужил тому, что большинство информантов (19 чел.) использовали конструкцию, близкой к русской фразе, а именно заимствованный из русского и фонетически адаптированный в удмуртском суффикс *-ой*, ср. (20б). В удмуртском стандартном языке настоящая фраза также относится к категории именного адвербиала, его использовали 6 человек, ср. (20а, в). В удмуртском языке отсутствует общеупотребительный суффикс, который бы формировал относительные прилагательные из существительных подобно русскому суффиксу *-ый / -ая / -ое*. Форма номинатива в современном языке может указывать как на статус существительного, так и прилагательного, например, *Мыным крезьгур яра* ‘Мне нравится музыка’, и *кретьгур инструмент* ‘музыкальный инструмент’. Видимо, следуя этой логике, один информант использовал при переводе предложения номинатив, ср. (20в). Результаты использования маркеров указаны в диаграмме 4.

- (20) (а) *Мынам вын-ы кретьгурь-я кружок-е ветл-э.*
 1SG-GEN младший.брат-1SG музыка-ADV кружок-ILL ходить-PRS.3SG
- (б) *Мынам вын-ы музыкальн-ой кружок-е ветл-э.*
 1SG-GEN младший.брат-1SG музыкальный кружок-ILL ходить-PRS.3SG
- (в) *Мына вын-ы ве'л-э музыка-я кружок-е.*
 1SG-GEN младший.брат-1SG идти-PRS.3SG музыка-ADV кружок-ILL
- (г) *Мынам брат-э кретьгур кружок-е ветл-э.*
 1SG-GEN брат-1SG музыка кружок-ILL ходить-PRS.3SG
 ‘Мой брат ходит в музыкальный кружок.’

Подсчет показывает, что из всех конструкций, которые были использованы информантами для перевода 4 предложений на удмуртский язык, доля конструкции с использованием приименного адвербиала составляет лишь 29,8 % (31 конструкция), 42,3 % составляет доля заимствованных конструкций из русского языка, и 27,9 % представляют другие конструкции, см. диаграмму 5.

Несмотря на то, что в стандартном удмуртском языке все вышеперечисленные конструкции принято обозначать приименным адвербиалом, материал настоящей секции демонстрирует, что в конкретной языковой ситуации может быть использовано множество других конструкций, в том числе заимствованных из русского языка. Выбор конструкции информантами в исследуемых предложениях зависит от лингвистической и функциональной специфики переводимых фраз. Например, словосочетание *кандидат филологических наук* используется, в основном, в узкой среде, поэтому информанты, не имеющие отношения к этой среде, не смогли перевести конструкцию на стандартный удмуртский язык и использовали русскую конструкцию. Словосочетания

Диаграмма 4. Соотношение в процентах использованных маркеров при переводе конструкции *музыкальный кружок*.

Диаграмма 5. Соотношение в процентах конструкций с примененным адвербиалем, заимствованных из русского и остальных конструкций.

фестиваль моды и *музыкальный кружок* представляет вполне простые семантические понятия, однако они не существуют в традиционной удмуртоязычной среде, например, не у всех слов есть удмуртские варианты. Словосочетание *преподаватель удмуртского языка* представляет простое понятие и широко используется во всех регистрах, есть удмуртские варианты слов, возможно поэтому все информанты оказались способными перевести конструкцию с помощью средств родного языка, однако они использовали разные языковые средства.

Такое разнообразие переводов также возможно объяснить спецификой языкового варьирования: в частности, у информантов есть выбор между стандартной, диалектной, разговорной и русской формой перевода. Например, адвербиаль или номинатив присущи стандартной разновидности; инструментал

скорее относится к диалектной разновидности; выбор русской конструкции – к разговорному стилю, выбор глагольной конструкции – также к разговорному стилю.

3.2.2. Интерференция русского языка

Данные показывают, что фразу *преподаватель удмуртского языка* все информанты перевели с помощью удмуртских морфосинтаксических средств. В остальных предложениях интерференция русского языка встречается в двух видах: 1) переключение кода (ср. англ. code-switch), т.е. когда в удмуртское предложение вставляется словосочетание полностью на русском, например, (18б) и (19б). 2) Заимствование (ср. англ. borrowing), когда информанты используют заимствованный из русского суффикс *-ой*, например, в (20б).

Почему в некоторых переводах появляется интерференция, а в других – нет? В примере (18б) говорилось, что узкая семантическая специфика, принадлежащая к русскоязычному контексту, способствовала тому, что многие информанты использовали русское словосочетание. Другое исследование автора настоящей статьи (Edygarova, в печати) показало, что выбор русской и удмуртской лексемы главного слова или определения также влияет на выбор удмуртского морфосинтаксиса или переключения на русский. В примере (19) у слов *мода* и *фестиваль* нет удмуртских аналогов, возможно поэтому, здесь достаточной часто появляется переключение (38,5 %). В примере *музыкальный кружок* (20) самый большой показатель интерференции – 73 %. Однако здесь мы имеем дело не с переключением кода, а с заимствованием – использованием суффикса *-ой*. Словосочетание типа *музыкальной кружке* ‘в музыкальный кружок’ является удмуртской конструкцией, но имеет заимствованную лексику и суффикс. В настоящем случае наличие в удмуртском разговорном языке формы *-ой* напрямую повлияло на результаты перевода. С другой стороны, если информанты используют удмуртскую лексику *крезьгур* ‘музыка; музыкальный’, то использование заимствованного суффикса *-ой* невозможно и автоматически используется удмуртский морфосинтаксис: адвербиаль или номинатив.

Далее на уровень интерференции русского языка влияет знание стандартной разновидности (см. раздел 3.2.3): в стандартном языке существуют все необходимые средства для конвертирования любых семантических связей, даже тех, которые не встречаются в удмуртском контексте. Информанты, которые владеют знанием и опытом какие семантические связи какими средствами могут быть выражены, могут успешно перевести любого рода словосочетания. Например, знание приименного использования адвербиала некоторым информантам помогло успешно перевести все 4 предложения, включая предложение (18). В примере (20в) *музыка кружке* информант смог успешнее интегрировать русские заимствованные слова благодаря использованию удмуртского суффикса или адвербиала.

В случае словосочетания *преподаватель удмуртского языка* все компоненты словосочетания имеют удмуртский вариант, которые встречаются в удмуртском контексте. Поэтому все информанты смогли перевести его удмуртскими средствами. Те, которые не владеют стандартной формой, хорошо ориентируются в родном языке и могут найти другие нестандартные формы для выражения этого значения, например, инструментал или глагольную форму.

3.2.3. Данные по категориям информантов

Подсчет использования адвербиала в возрастной группе указало на то, что в группе от 16 до 19 лет использование конструкции с приименным адвербиалом составило 4,1 %. В группе от 23 до 32 лет процент составил 47,9 %; и среди информантов 48–87 лет – 21,9 %.

Подсчет использования приименного адвербиала относительно знания стандартного языка информантов выявила существенные различия, а именно процент

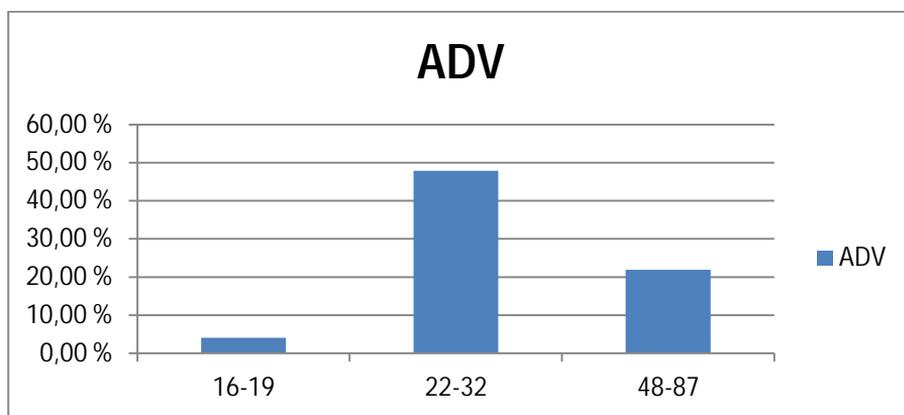

Диаграмма 6. Процент использования конструкции с приименным адвербиалом в возрастных группах.

использования стандартной конструкции в группе «высокий уровень знаний» составил 71,4 %, в группе «средний уровень знания» – 20 %, и в группе «низкий уровень знаний» – 8,3 %. Результаты показаны в диаграмме 7. Настоящая статистика говорит о том, что конструкция с приименным адвербиалом наиболее популярна среди информантов с высоким уровнем стандартного языка. Кроме того, большинство из них составляют возрастную категорию от 23 до 32 лет среди опрошенных, а информанты с низким или средним уровнем знания стандартного языка – другие возрастные категории. Этот факт объясняет особенности употребления адвербиала среди возрастных групп.

Материал настоящей секции указывает на то, что использование приименного адвербиала, кроме лингвистических особенностей, перечисленных

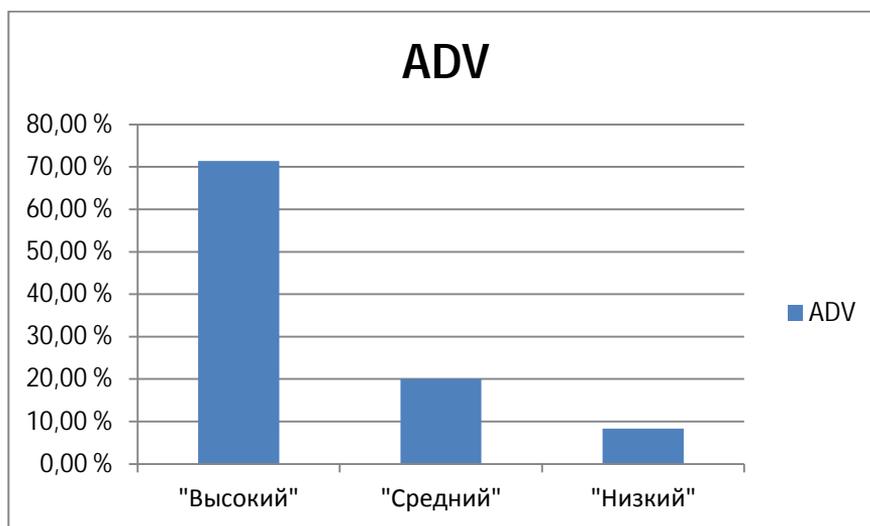

Диаграмма 7. Процент использования конструкции с приименным адвербиалем в группах по уровню знания стандартного языка.

в пункте 3.3.1, определяется особенностями языкового репертуара информантов. А именно, в основном, люди, которые профессионально занимаются стандартным языком – наиболее часто используют адвербиаль в приведенных конструкциях. Среди информантов группы «высокий уровень стандартного языка» (7 чел.) использование адвербиала варьируется от 3 до 4 раз, однако только один информант использовал адвербиаль во всех четырех переводах; в группе «средний уровень знания» – от 0 до 3; а в группе «низкий уровень» – от 0 до 2. У 12 информантов адвербиаль в переводах не встречается вообще.

Особенность языкового репертуара информанта также повлияла на выбор других конструкций. В частности, при переводе фразы *преподаватель удмуртского языка* глагольная конструкция оказалась наиболее популярной среди информантов группы «низкий уровень стандартного языка». Видимо, номинальные конструкции типа именной конструкции с инструменталом более присущи стандартному способу мышления. Кроме того, в исследуемом материале прослеживается такая основная тенденция: в конструкциях информантов «с высоким уровнем знания стандартного языка» прямых заимствований из русского встречается намного меньше, нежели в материале других информантов (Edygarova, в печати). Как профессиональные пользователи языка информанты первой группы способны выразить средствами родного языка практически все понятия. Однако необходимо учитывать, что один и тот же информант с хорошим знанием стандартного языка в формальной ситуации, например, при составлении текста, может использовать одну конструкцию (стандартную с адвербиалем), а в неформальной ситуации, например, при общении с членами семьи, использовать другую (с инструменталом или заимствованную

конструкцию). Остальные информанты также прекрасно владеют родным языком, однако в силу недостаточного знания стандартных форм или в силу отсутствия достаточной практики использования стандартного языка (или использования языка в формальной сфере) они не способны «упаковывать» понятия в морфосинтаксические и лексические формы родного языка в тех сферах, в которых они не привыкли использовать свой родной язык. Вследствие этого, интерференция русского языка становится наиболее интенсивной именно в этих языковых сферах.

3.3. Основные результаты исследования

Исследованный материал способствовал выявлению некоторых особенностей и общих тенденций функционирования современного удмуртского языка.

- Исследование истории и функционирования приименного адвербиала указывает на то, удмуртский язык располагает средствами и потенциалом для развития и обогащения языка.
- Целенаправленное обогащение и развитие языка может осуществляться и контролироваться в сфере стандартного языка с помощью расширения функций исконных лингвистических маркеров, изобретения неологизмов и т.д.
- Однако основной задачей процесса развития и сохранения языка является не только лингвистическая работа, но и практическая. Новые стандартные формы могут обогащать абстрактный язык и никогда не применяться в реальной или живой языковой ситуации.
- Основная цель работы по обогащению и развитию языка – внедрение новых форм в активную языковую деятельность максимального количества говорящих, а в идеале – внедрение новых форм и неологизмов в язык повседневного общения. Как показывает материал, только профессионалы способны воспроизводить новые формы, в то время как большинство говорящих могут быть знакомы с этими формами, но никогда не использовать их на практике. Это означает, что для более активного распространения неологизмов и новых форм чрезвычайно необходимо усилить их практическое использование, а именно использовать их, например, во всех официальных регистрах (составлять и читать документы на стандартном языке, использовать в официальных учреждениях, вводить в качестве языка обучения в образовательных институтах и т.д.).
- Освоение новых форм осуществляется, в первую очередь, через образование на родном языке. Средства массовой информации и литература также являются важным составляющим в освоении новых языковых стандартов, однако необходимо помнить, что только регулярная активная языковая практика (в первую очередь, говорение и составление устных/письменных

текстов) может эффективно влиять на освоение стандартного языка. Чтение, просмотр и слушание теле- и радиопередач – это всего лишь небольшая часть каналов, через которые возможно освоить новые формы.

- Одной из основных проблем современного удмуртского языка является интенсивная интерференция русского языка, смешение удмуртского и русского языков. Материал исследования демонстрирует, что стандартизация языка может регулировать интенсивное или прямое влияние русского языка. В стандартном языке существуют всевозможные удмуртские морфосинтаксические «упаковки» и неологизмы, с помощью которых можно «упаковать» практически все сложные понятия и конструкции. Однако только профессиональные пользователи языка способны ими пользоваться в условиях высокого контроля сознания (в спонтанной речи и профессионалы могут использовать русские заимствования). Замещение русских заимствований новыми удмуртскими формами возможно в случае, если перевести эти формы на уровень неподсознательного употребления, т.е. в случае, когда «пуристический» стандартный язык превращается в статус языка повседневной жизни, т.е. человек думает и говорит на нем настолько часто, что эти новые формы автоматически воспроизводятся без особого сознательного усилия.
- В современной языковой ситуации, а именно когда практически все удмуртское население двуязычное, отсутствие преподавания на родном языке, ограниченное количество СМИ, на наш взгляд, невозможно избежать интерференции русского языка.

4. Заключение

В настоящей статье мы показали, что информанты использовали разные языковые средства, чтобы перевести одни и те же понятия на родной язык: кто-то использовал стандартные конструкции с адвербиалем, кто-то диалектные или разговорные, кто-то вставил полностью русские конструкции, кто-то использовал заимствованные слова или суффиксы. То, каким образом информанты перевели конкретную конструкцию, не говорит о «бедности» или «богатстве» языка; результаты перевода говорят о социолингвистическом опыте информанта. Результаты не говорят, как плохо или хорошо информанты владеют удмуртским или русским языком; они показывают, что все смогли успешно перевести фразы с помощью разных средств, в том числе двух языков.

Введение новых терминов и форм само по себе не влияет на развитие языка. От того, каким образом будет развиваться социолингвистическая ситуация говорящих, напрямую зависит будущее удмуртского языка.

Условные сокращения

ACC	аккузатив
ADJ	прилагательное
ADV	адвербиаль
DAT	датель
DET	детерминативный суффикс
ELA	элатив
FUT	будущее время
GEN	генитив
ILL	иллатив
INE	инессив
INF	инфинитив
INST	инструментал
NEG	отрицание
NOM	номинатив
PL	множественное число
PRS	настоящее время
PRTC	причастие
PST	прошедшее время
RUS	русское заимствование
SG	единственное число
VERB	глагол

Библиография

- Aminoff, T. G. 1896: Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* XIV.
- Bartens, Raija 2000: *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Bell, Allan 1997: Language style as audience design. – Nikolas Coupland & Adam Jaworski (eds.), *Sociolinguistics. A reader and coursebook*. 240–250.
- Csúcs, Sándor 2005: *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Edygarova, Svetlana (в печати): Interference of the Russian language on the possessive morphosyntactic structures of the Udmurt language in translational test data. – Magdolna Kovács, Ulriikka Puura & Outi Tánzos (eds.), *Emerging codes in Finno-Ugric languages*. Uralica Helsingiensia 2018.
- Edygarova, Svetlana 2009: Attributive possession in Udmurt language. – *Linguistica Uralica* XLV (2): 101–118.
- Jaffe, Alexandra (ed.) 2009: *Stance. Sociolinguistic perspectives*. Oxford Studies in Sociolinguistics. Oxford: Oxford University Press.

- Kel'makov, Valentin & Sara Hännikäinen 1999: Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Labov, William 1978: *Sociolinguistic patterns*. Oxford: Basil Blackwell.
- Salánki, Zsuzsa 2007: *Az udmurt nyelv mai helyzete*. Doktori disszertáció. Kézirat.
- Shirobokova, Larisa 2011: *Udmurt-Russian bilingualism (Udmurt Republic, Sarkan region, Muvyr village)*. Doctoral dissertation. Budapest.
- Winkler, Eberhard 2011: *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Васильева, О. & Воронцов, В. 2008: Этноязыковые процессы и языковая политика в Удмуртии. – *Языковое и этническое возрождение в Удмуртии: от политики к культурному многообразию*. Ижевск: Удмуртский Государственный Университет. 20–73.
- Вахрушев, В. 1975: К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка. – *Вопросы удмуртского языкознания*. Вып. 3. Ижевск: УдНИИ. 42–55.
- Вахрушев В. М. 1980: Субстантивированные словосочетания в удмуртском языке. – *Словосочетания в удмуртском языке*. Ижевск. 130–168.
- ГСУЯ 1962 = Перевошиков П. Н. (отв. ред.): *Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- ГСУЯ 1970 = Алатырев В. И. (ред.): *Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртия.
- Едыгарова С. В. 2010: Категория посессивности в удмуртском языке. *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis*. Тарту.
- Едыгарова, С. (в печати): Лингвистические и социальные особенности современного удмуртского языка в средствах массовой информации. – *Материалы научно-практической конференции «Удмуртский язык в средствах массовой информации», 4 ноября 2013 г.* Ижевск.
- Емельянов А. И. 1927: *Грамматика вотяцкого языка*. Ленинград.
- Кондратьева, Н. В. 2011: *Категория надежды имени и существительного в удмуртском языке*. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет.
- Луутонен, Й. 2000: Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке начала XX в. – С. Лаллукка & Т. Молотова (ред.), *Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в.* Ижевск: УдНИИ. 21–42.
- Перевошиков П. Н. 1957: *Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка*. – Записки УдНИИ. Вып. 18. Ижевск. 71–92.
- Удмурт дунне 2013 = Рябина Е.: Малпаськемзэс дунъязы. – *Удмурт дунне*. <<http://udmdunne.ru/2013/10/malpaskemzes-dunjazy/>>. 27.10.2017
- Яковлев И. В. 1930: Удмурт кылрадъян: *Элементарная грамматика вотского языка*. Ижевск: Удкнига.